

ТРАДИЦИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК СТЕРЖНЕВОЕ ПОНЯТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Олег Викторович Стародубцев

Кандидат богословия, кандидат философских наук, доцент;

Сретенская духовная академия (Россия)

starodubcev@ya.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_2_86

Аннотация. В статье поднимается вопрос о соотношении традиции и новации в отечественной культуре. Указывается на тот факт, что в реформах Петра I, затронувших русскую культуру, и в первую очередь культуру церковную, не было стремления искоренить основы религиозности, но присутствовала идея создания некой универсальной культуры. При всех видимых изменениях, значительно повлиявших на образы церковной архитектуры и искусства Синодального периода, именно благодаря мощной традиционности, имевшей свои корни в Византийской эпохе, церковная культура, постоянно обновляясь, в целом не потеряла своей самобытности и уникальности.

Ключевые слова: русская культура, церковная культура, Петр I, традиция, новация, Синодальный период, Русская Церковь.

Для цитирования: *Стародубцев О. В.* Традиция и преемственность как стержневое понятие русской культуры // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 2. С. 86–93. DOI: 10.55398/27826066_2022_2_86

TRADITION AND CONTINUITY AS A CORE CONCEPT OF RUSSIAN CULTURE

Oleg Viktorovich Starodubtsev

Candidate of Theology, Candidate of Philosophy, Associate Professor;

Sretensky Theological Academy (Russia)

starodubcev@ya.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_2_86

Abstract. The article raises the question of the relationship between tradition and innovation in Russian culture. It is pointed out that in the reforms of Peter I, which affected Russian culture, and primarily the culture of the Church, there was no desire to eradicate the foundations of religiosity, but there was an idea of creating a kind of universal culture. With all the visible changes that significantly influenced the images of church architecture and art of the Synodal period, it is thanks to the powerful traditionalism (having its roots in the Byzantine epoch), that the church culture, being constantly updated, as a whole has not lost its identity and uniqueness.

Key words: Russian culture, church culture, Peter the Great, tradition, innovation, Synodal period, Russian Church.

For citation: Starodubtsev O. V. Tradition and continuity as a core concept of Russian culture // Sretenskoe slovo. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2022. No. 2. P. 86–93. DOI: 10.55398/27826066_2022_2_86

Одним из важнейших базисных понятий культуры является соотношение в ней традиции и новации. Любая культурная традиция формируются на исторической, национальной, религиозной почве, вбирая в себя постепенно все то, что максимально отвечает запросам конкретного времени. В свою очередь новации в культуре (и это естественный процесс) появляются вследствие возникновения новых идейно-политических влияний в государстве, что сообщает им в большей мере политическую, чем историческую направленность.

Говоря о русской культуре в целом, стоит отметить, что основной ее частью являлась именно церковная культура, формировавшая и создававшая на протяжении многих столетий всю отечественную культуру. Фактически можно говорить о «церковности» многовековой русской культуры, что придает ей своеобразие и подлинную неповторимость. Вместе с этим, отдавая преемственную дань византийской традиции и сохраняя первооснову принятого канона, отечественная церковная культура во все века своего существования постоянно обновлялась и дополнялась новациями из европейской традиции, настолько органично переплетаясь с уже существующими традициями, что позволяло являть яркие примеры формирования новых оригинальных образов.

В сравнении с другими историческими периодами именно во второй половине XVII века было создано наибольшее количество церковных построек, целых архитектурных ансамблей (Москва, Ярославль, Ростов), новых монументальных росписей (Москва, Кострома, Ярославль) [Лихачев 1994: 450]. Русские мастера в своих творческих арсеналах часто использовали образцы, наработанные в европейской практике, делая это в XVII столетии значительно чаще, чем в предшествующие времена. При этом, что важно, в целом неповрежденным оставался выработанный временем традиционный культурный подход в искусстве и церковной архитектуре: не происходило «слепого» заимствования западных образов и идей, что в конечном итоге приводило к формированию осознанно выверенных и переработанных национальных культурных образов.

Во все времена в национальном искусстве и церковной архитектуре имел место идейно-художественный диалог разных культур и эстетических заимствований. Как справедливо отмечал М. С. Каган, «процесс “реабилитации” классики художественного наследия вплоть до мифологии присущ и нашему отечественному искусству, и отнюдь не под влиянием Запада, а по логике собственного развития, совпадавшей с логикой развития европейской культуры» [Каган 2003: 65]. Для понимания интересующего нас вопроса важен точный исследовательский ракурс: «обращение к истории изобразительного искусства не ради традиционно-искусствоведческого описания эволюции свойственных ему форм художественного творчества, а с целью *историко-антропологического, историко-культурологического, историко-философского* рассмотрения развития художественного самопознания, самооценки, самоосмысления и самопроецирования Человека, утверждающего интуитивно ощущаемое им сущностное единство своего Рода» [Там же: 36]. Подобный многогранный подход известного ученого дает четкие ориентиры и точные направления в осмыслении вопросов соотношения традиции и новации в русской культуре в целом.

Так, не делая обширного экскурса в историю и опираясь на вышеуказанные методологические принципы в исследовании русской культуры, то есть с точки зрения утверждающего влияния на нее человека, можно сделать вывод, что значимые исторические личности — слишком часто перегруженные политикой, — предстают в немалой степени по-другому при их экспертизе культурой. Обращаясь к содержанию и результатам деятельности крупных государственных фигур, следует отметить, что историческая

преемственность в сохранении традиций и актуализации культурных ценностей не может быть понята без их осмысления через призму философии политики и философии права. Культурно-религиозные отношения русской (российской) истории прошли во многом естественные испытания в процессе их трансформации — в том числе реформами Петра I. Между тем и они еще раз подтвердили, казалось бы, понятную, но слишком часто забываемую истину: политика, идеология — это часть культуры, а не наоборот. Впрочем, свидетельством тому являются не только исследуемые нами достояния далекого прошлого, но и XX век отечественной истории, и наше время.

В этой связи нельзя не сказать о том, что до наших пор в литературе часто присутствуют суждения, упрощенно представляющие культурно-исторический процесс или основанные на настойчивом стремлении навязать культурно-исторической, социально-политической действительности какую-то понятийно-терминологическую «чистоту» по принципу: в истории все случается, без каких-либо полутонов. К сожалению, подобные темы попадают даже в учебники для вузов. В. В. Викторов о времени Петра I пишет: «России предстояло отказаться от чувственного русско-православного мировоззрения и пойти по пути рационального восприятия мира» [Викторов 2007: 255]. Стоит в данном контексте обратить внимание на то, что непосредственные деяния Петра I за достаточно продолжительный период его правления были не столь велики, и исторический образ «Петра Великого» формировался нарочито уже его преемниками с целью в той или иной мере оправдать свои деяния. О незначительности *культурных* новаций петровского времени говорят малочисленные постройки его времени как гражданские, так и церковные. Отметим, впрочем, что Петром I будут заложены лишь основы некоей универсальной культуры, фактическое же их воплощение последует по прошествии значительного времени. Более того, став инициатором периода, именуемого Синодальным, в российском государственном строительстве и культуре, как светской, так и в особенности церковной, он зачастую проводил реформы спонтанные и непоследовательные. Определенной продуманностью и последовательностью преобразований, в первую очередь в архитектуре и искусстве, может характеризоваться (подчас исключительно) культура и архитектура северной столицы. Реформы и преобразования в этих сферах касались иногда и Москвы, но практически не затронули бескрайнюю российскую провинцию.

В вопросах храмостроительства особенности взаимоотношений государства и Церкви в своей основе стали частью петровских преобразований. Академик И. П. Кондаков подчеркивает, что «главное содержание петровской модернизации составляла секуляризация культуры» [Кондаков 1999: 158]. В свою очередь академик А. М. Панченко рассматривает существенные стороны процесса той модернизации, оттеняющие повороты, проблемы взаимосвязей традиции и новации в социокультурной жизни Руси — России [Панченко 1984: 192]. Отметим здесь следующий момент: «...осуществленная Петром I церковная реформа вытеснила из государственного обихода традиционно понимаемую святость и сакраментальные ценности “православной цивилизации” Святой Руси <...> но, объективно не имея возможности (как, впрочем, и желания) изъять из жизни и русской культуры саму религиозность как таковую, тем самым способствовала сакрализации важнейших светских институтов и феноменов культуры...» [Там же]. Акценты, расставленные в приведенном заключении, имеют для нашего исследования принципиальное значение. Петр I решал скорее прагматические или, говоря современным языком, административно-политические задачи, не покушаясь на устои Православия. Видимо, он интуитивно отделял Церковь как «государственный» институт от Церкви сакральной, имеющей идейно-нравственную основу.

Вместе с тем следует заметить, что юридическое установление так называемой синодальной системы управления в Церкви было принято лишь в 1721 году, когда окончательно сложилось видение Петром этой системы как монаршего управления, но в церковной архитектуре все это воплощалось уже в течение предшествующих десятилетий. Последнее замечание важно для объективной оценки масштабов и глубины реформ Петра, в том числе новаций в культуре и архитектуре. «Под воздействием петровских реформ и их последствий радикально изменились религиозные, социальные и культурные условия жизни русского народа» [Смолич 1996: 23].

Как уже говорилось, в церковной культуре и архитектуре и по содержанию, и по географии они были более локальными, чем иногда представляется, и получили большее распространение уже при преемниках Петра I.

О проблемах византизма в отечественной культуре и его мощных корнях необходимо сказать более подробно. Отметим важнейшую черту

византийского искусства. Комментируя достаточно распространенный взгляд на Византию как на «тысячелетний культурный упадок» (подобная оценка является чуть ли не расхожей в западной литературе, встречается она и в литературе отечественной), С. С. Аверинцев пишет, что для византийской тысячелетней культуры характерно «полное отсутствие чего-либо похожего на плавную траекторию, идущую от зарождения стиля к его расцвету и затем упадку» [Аверинцев 2005: 97]. Г. В. Скотникова обращает внимание на очень важную деталь: «Византийская цивилизация представляет собой особый тип культурного развития, не линейно-экспансивный, рационалистически внешний, а целостно-углубленный, духовно-личностный. Ее специфика ярче проявляется не в изменении внешних форм, а в стремлении к достижению идеала внутреннего духовно-душевного состояния. Эту культуру метафорически можно понять, как “динамику в статике” <...> “врата в вечность”» [Скотникова 2002: 5–52]. Нам также представляется, что российское искусство преемственно наследовало именно этот тип движения культурного развития. Менявшиеся «внешние формы» ложились на традиционную основу, сохраняя ее потенциал возрождения, возвращения, казалось бы, к прерванным традициям.

Западная культура и ее секулярно-философская основа, оказав определенное влияние на церковную архитектуру и искусство России (в большей мере отдельного города — Санкт-Петербурга), можно сказать, что, переродившись, они начали формировать самостоятельное направление — светскую культуру [Маслов 2007: 86], во многом обособленную от национальной патриархальной традиции, что вполне закономерно.

Осмысление поднятых вопросов, связанных с взаимоотношениями политики и культуры на различных этапах развития церковной архитектуры и искусства в Синодальный период, порождают комплекс проблем. Особое место занимает проблема, требующая специального изучения: существование в России такого феномена, как сопротивляемость, — уровень сопротивляемости культуры политике и идеологии. Эта тема исследования имеет немало интересных аспектов, например таких, как характер, способы сопротивления культуры политике, качество «базы сопротивления», культурно-историческая инерционность традиций и ценностей в культуре, искусстве, архитектуре и далее выход на более широкую, но неизменно актуальную (философскую, теоретико-методологическую,

культурологическую) тему прогресса в культуре, искусстве. Философское понимание культуры отличается от ее научного изучения тем, что обращает внимание не на факты в опыте внешнего наблюдения, а на принципы, которые позволяют нам относить эти факты к культуре [Межуев 2012: 640].

Встает вопрос о том, что политизация и социологизация культуры в государстве, также в рамках рассматриваемого исследования, неизменно требует напоминания, что расхожее утверждение, будто за новациями всегда будущее, в культуре (и в первую очередь церковной) не может характеризоваться иначе как вульгаризаторство.

Литература

Аверинцев. С. С. Другой Рим. Москва : Амфора, 2005.

Викторов В. В. Культурология: Учебное пособие. Москва : Вузовский учебник, 2007.

Каган М. С. Се человек: Рождение, жизнь и смерть в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. Санкт-Петербург : Logas, 2003.

Кондаков И. П. Русская культура: краткий очерк истории и теории. Москва : Книжный дом «Университет», 1999.

Лихачев Д. С. Великая Русь. Москва : Искусство, 1994.

Межуев В. М. О понятии «философия культуры» // Социокультурная антропология: история, теория и методология: Энциклопедический словарь / под ред. Ю. Я. Резника. Москва : Академический проект, Культура; Константа, 2012.

Скотникова Г. В. Византийская традиция в русском самосознании. Опыт историко-культурологического исследования. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусства, 2002.

Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917. Ч. 1. Москва : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

References

- Averintsev. S. S. *Drugoi Rim* [Another Rome]. Moscow, Amfora Publ., 2005.
- Kagan M. S. *Se chelovek: Rozhdenie, zhizn' i smert' v «volshebno zerkale» izobrazitel'nogo iskusstva* [Ecce homo: Birth, life and death in the “magic mirror” of fine art]. St. Petersburg, Logas Publ., 2003.
- Kondakov I. P. *Russkaya kul'tura: kratkii ocherk istorii i teorii* [Russian culture: a brief outline of history and theory]. Moscow, Knizhnyi dom “Universitet” Publ., 1999.
- Likhachev D. S. *Velikaya Rus'* [Great Rus']. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994.
- Mezhuev V. M. [On the concept of ‘philosophy of culture’]. *Sotsiokul'turnaya antropologiya: istoriya, teoriya i metodologiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Sociocultural anthropology: history, theory and methodology: Encyclopedic dictionary]. Moscow, Akademicheskii proekt, Kul'tura; Konstanta Publ., 2012.
- Skotnikova G. V. *Vizantiiskaya traditsiya v russkom samosoznanii. Opyt istoriko-kul'turologicheskogo issledovaniya* [The Byzantine tradition in Russian self-consciousness. An attempt of historical and cultural research]. St. Petersburg, St. Petersburg St. Univ. of Culture and Art Publ., 2002.
- Smolich I. K. *Istoriya Russkoi Tserkvi 1700–1917. Ch. 1* [History of the Russian Church 1700–1917. Part 1]. Moscow, The Valaam Monastery Publ., 1996.
- Viktorov V. V. *Kul'turologiya: Uchebnoe posobie* [Culturology: Textbook]. Moscow, Vuzovskii uchebnik Publ., 2007.